

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ II

Р. Барт «От произведения к тексту»

Цель: Раскрыть концепцию текста Р. Барта, трактовать понятия «текст» и «произведение» в бартовской теории текста, отличие Автора в тексте и в произведении, пояснить роль читателя в тексте.

Ключевые слова: Р. Барт, произведение, текст, интертекстуальность, автор, читатель.

Введение

Здравствуйтесь, дорогие слушатели. Сегодня мы переходим к обсуждению другой статьи Р. Барта «От произведения к тексту» (From Work to Text) (1971). Это эссе было написано Бартом в 1971 году и относится к третьему, последнему периоду творчества Ролана Барта, когда он перешел на позиции постструктурализма и постмодернизма.

Несколько слов об авторе.

Ролан Жерар Барт (1915 – 1980) – французский литературовед, философ, лингвист, критик и семиолог. Идеи Барта касаются самых разных областей, и он повлиял на развитие многих теоретических школ, включая структурализм, семиотику, социальную теорию, теорию проектирования, антропологию и постструктурализм.

Имя Ролана Барта связано с французским структурализмом и постструктурализмом. Подход Ролана Барта к литературе сочетает социологию, литературоведение, семиологию, структурную антропологию и марксизм. Барт внес огромный вклад в анализ культуры, текстов и идеологии. Самые его известные работы – это «Мифологии» (1957), «Нулевая степень письма» (1953), «S/Z» (1970), «Удовольствие от текста» (1975).

Постструктурализм возник во Франции в 1960-х годах, в период политических потрясений, бунтов и разочарования в традиционализме. Его становление сопровождалось возрождением интереса к феминизму, западному марксизму, феноменологии и нигилизму. Многие видные постструктуралисты такие как Жак Деррида, Мишель Фуко и Ролан Барт первоначально были структуралистами, но позже пришли к явному отказу от идей структурализма, особенно от мысли фиксированности взаимосвязи между означающим и означаемым.

Во второй половине XX века, а если быть точным в 1960-годах наступает эпоха модернизма. Если обратиться к философским и литературоведческим словарям, то там обычно указывается, что в «основе постмодернизма лежит сознательный отказ от фундаментальных идей и идеалов эпохи Нового времени. Постмодернизм ставит задачу избавления культуры от диктата традиций. Важнейшее место в этом течении заняли языковые проблемы. Своей главной целью постмодернисты (вслед за экзистенциалистами) провозгласили свободу.

Постмодернизм отрицает и естественнонаучную картину мира, построенную на выявлении причинно-следственных связей; она объявляется догмой, вымыслом, служащим орудием власти. Возможно построение бесконечного количества таких картин, причем ни одна из них не может считаться истинной, так как всегда зависит от человеческих желаний, потребностей, используемого языка и т.п. Сам процесс построения картины мира, так же, как и любая другая интеллектуальная деятельность, объявляется игрой и, в частности, языковой игрой.

Постмодернисты утверждали возможность бесконечного количества интерпретаций любого текста, одинаково правильных или, что то же самое, одинаково неправильных. Эти позиции постмодернизма разделяет постструктурализм.

Одна из интереснейших проблем в постмодернизме – это «бунт» против власти языка и дискурса. Как отмечал Барт, язык предлагает собственную классификацию мира, задает границы того, что может и не может быть сказано, а для того, что может быть сказано, язык детерминирует то, как это может быть сказано (например, благодаря грамматическим и стилистическим нормам).

В своей лекции 1966 года «Структура, знак и игра в дискурсе науки о человеке» Жак Деррида (ключевая фигура в раннем постструктурализме), был одним из первых, кто обратил внимание на теоретические ограничения структурализма.

Ролан Барт, первоначально подверженный идеям структурализма, опубликовал в 1968 году

свое эссе «Смерть автора», с которого начинается постструктуралистский период Барта. В этой работе он утверждает, что любой литературный текст имеет несколько значений и что автор не был главным источником семантической работы произведения. В своей работе 1967 года «Элементы семиологии» он также выдвинул концепцию метаязыка постструктурализма.

Постструктурализм идентифицирует новый способ теоретизирования, который в равной степени относится к литературной теории (систематическое изучение литературных текстов), философии (особенно изучение того, как работает мысль, поскольку мышление осуществляется на языке) и критическая теория (эмансипационная социальная наука с помощью дискурсивного анализа и критики идеологии).

Отправными точками для постструктурного теоретизирования как междисциплинарной науки являются язык и семиотика. Постструктурализм отрицательно реагировал на навязывание структурализмом жестких структур всему и структуре как доступу к «истине». Постструктурализм, как и деконструкция, подчеркивал нестабильность смысла. В то время как структурализм рассматривал язык как замкнутую систему, постструктурализм определил неизбежный разрыв между означающим и означаемым.

Как и другие теоретики постмодернизма постструктуралисты верят в изучение как текста, так и системы знаний, создавших этот текст. «Этический поворот» в постструктурализме отмечен акцентом на субъективность, авторство и идентичность (особенно женскую идентичность). Этот акцент содержит как критику структурализма, так и общий сдвиг в сторону философских и этических проблем. В постструктурализме читатель, а не писатель стал главным субъектом: роль автора была известна с древних времен. Постструктуралисты открыли в литературе не менее значимую фигуру читателя, который воспринимает смысл.

Разногласия среди постструктуралистов, а также критика постструктурализма касаются того, в какой степени «концепции хаоса» (такие как нестабильность, случайность и двусмысленность) должны учитываться при рассмотрении вопросов смысла, знаний, субъективности и этики. Хотя граница между постструктурализмом и постмодернизмом четко не определена, постмодернизм можно охарактеризовать как экстремистский ответ, который отмечает «хаос» как замену структурной жесткости.

Третий, поздний период сказался в творчестве Р. Барта прежде всего на его понимании Текста и Письма, которые теперь становятся особой зоной его внимания. Барт употребляет термины «письмо-текст», «чтение-письмо» и «текстуальный анализ», поскольку результатом письма выступает текст, принципиально отличающийся от традиционного произведения.

Барт (цитата): «Произведение» представляется Барту устаревшим, ньютоновским понятием, тогда как «текст» – современным, эйнштейновским. Первое предстает как нечто готовое и законченное, обычно отождествляемое с книгой, которую можно взять в руки.

Основная часть

Концепция Р. Барта: отличие произведения от текста.

В начале своего эссе Р. Барт заявляет, что исследования в современных науках должны проходить на стыке дисциплин. Он говорит, что как с открытием теории относительности Эйнштейном, невозможно игнорировать относительность исследуемого объекта, так и в литературе совместное воздействие марксизма, фрейдизма и структурализма заставляет ввести принцип относительности во взаимоотношения скриптора, читателя и наблюдателя (критика).

Барт переносит внимание с семиологии структуры на семиологию структурирования. В этом эссе центральной категорией является понятие Текста, которое он противопоставляет произведению.

Р. Барт принципиально различает понятия «Текст» и «произведение». Согласно семиотической логике Р. Барта, произведение противопоставляется тексту как «вещественный фрагмент», который может, например, поместиться в руке или стоять на книжной полке в библиотеке или книжном магазине, «полю методологических операций», тому, что размещается

только в языке, существует только в дискурсе. В отличие от наглядного, зримого произведения, Текст «доказывается, высказывается в соответствии с определенными правилами».

Р. Барт (цитата): «Различие здесь вот в чем: произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст – поле методологических операций <...>».

Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознает). Текст – не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом. Или иначе: Текст ощущается только в процессе произведения, производства. Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться – например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений».

Барт использует для определения произведения метафору «естественно разрастающегося, развивающегося организма, а для Текста – метафору сети, в которой текст не развивается, а простирается, благодаря комбинированию и систематизации элементов.

Развеществленность произведения в текст позволяет ему вплестаться в другие, сплетаться с другими, каждый раз меняя контексты, меняя или обогащая смыслы. Р. Барт обращает особое внимание на этимологическое значение слова текст (слово text происходит от латинского textum – ткань, соединение). Сравнение текста с тканью, процесса создания произведения с плетением оказывается весьма характерной бартовской метафорой.

Р. Барт (цитата): Тексту присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая – множественность неустранимая, а не просто допустимая. В Тексте нет мирного сосуществования смыслов – Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Действительно, множественность Текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан (конец цитаты).

Текст противостоит произведению, – пишет Р. Барт, – «своей множественной, бесовской текстурой, что способно повлечь за собой глубокие перемены в чтении...». Текст живет вне какой-либо «обусловленности». Произведение же, напротив, связано с «аксиомой обусловленности». По мнению Барта, оно обусловлено «действительностью (расой, позднее Историей)...». В отличие от текста произведения следуют друг за другом; они сохраняют свою принадлежность автору.

«Текст всегда является парадоксальным» (Барт). Он нарушает все традиции, не укладывается ни в какие жанровые рамки, не признает никакие иерархии и классификации.

Произведение существует как общий знак, оно замыкается на означаемое, в нем мало символического, оно легко становится предметом изучения или интерпретации.

Текст уходит от означаемого и устремляется в «поле означающего», он является «радикально символическим». Подобно языку, он представляет собой открытую систему, у которой нет центра и границ. Однако у текста не может быть грамматики, о нем не может быть науки. Для произведения характерна линейность и необратимость построения, хронологическая или иная последовательность развития. Текст не имеет какого-либо начала, центра и направленности и предстает как «стереофоническая» и «стереографическая множественность означающих». Он одновременно уникален и множественен, его уникальность является множественной.

Метафорой произведения может быть живой организм, метафорой текста – сетка, ткань или паутина: он не растет и не развивается, а простирается благодаря комбинаторике и систематике.

Теперь он считает, что всякий текст является своей собственной моделью, он уникален, неповторим и не сводим к какому-либо коду. Такой текст и «есть сама теория».

Определение интертекстуальности Р. Барта

Термин «интертекстуальность» прочно вошел в терминологический фонд постструктурализма. Хотя первенство по его употреблению принадлежит Юлии Кристевой. Ролан Барт в этом дает свое понимание. По мысли Барта, интертекстуальность есть изначальное свойство Текста.

Барт (цитата): «Текст сплошь соткан из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры <...> старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию. Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат — из цитат без кавычек».

Автор в произведении и тексте

Барт пишет: «Автор считается отцом и хозяином своего произведения; литературоведение учит нас поэтому уважать автограф и прямо заявленные намерения автора...» (с. 419). И далее: «Текст как раз и подобен такой партитуре нового типа: он требует от читателя деятельного сотрудничества. Это принципиальное новшество – ибо кто же станет исполнять произведение?» (с. 421). У текста нет «автора», но есть читатели, которые изменяют его

У произведения есть автор, который считается его отцом и собственником. Текст для своего существования не нуждается в каких-либо авторских или отеческих гарантиях. Произведение обычно легко читается, что равносильно его потреблению. Текст является «нечитабельным». Подобно сочинениям постсерийной музыки, он выступает как партитура, исполнение которой с необходимостью делает читателя соавтором. Текст представляет собой «не эстетический продукт, а означающую практику; не структуру, а структурирование; не предмет, а труд и игру».

Читатель и текст в концепции Р. Барта

Произведение и текст различны с точки зрения отношения к ним читателя. Читатель, по Р. Барту, не потребитель – потребляют произведение. Читатель играет с текстом. Более того, он «играет в текст, как в игру и играет Текст; он и исполнитель, и соавтор Текста, который в таком случае подобен партитуре нового типа, требующей от читателя деятельного сотрудничества» (Р. Барт «От произведения к тексту»).

Текст в понимании Барта апеллирует к читателю «здесь» и «сейчас». Автор – «гость в тексте». И читатель – «гость». По словам Барта, «Текст требует, чтобы мы стремились к устранению или хотя бы к сокращению дистанции между письмом и чтением, не проецируя еще сильнее личность читателя на произведение, а объединяя чтение и письмо в единой знаковой деятельности» (с. 420).

Хотя Барт выступает против классификаций произведений и текстов, он тем не менее выделяет «тексты удовольствия» и «тексты наслаждения», относя к первым написанные в реалистической манере произведения, а ко вторым – современные произведения в духе модернизма и авангарда.

Заключение

В конце 1960-х-начале 1970-х годов в центре внимания Р. Барта оказывается проблема текста и письма. Заслуга Р. Барта заключается в изменении исследовательской стратегии текста от референтного анализа-понимания к коннотативному анализу-чтению.

Барт видит принципиальные отличия Текста и произведения в следующем:

- Текст необходимо понимать как нечто неисчислимое, он не может застыть неподвижно, он постоянно движется сквозь что-то;
- произведение же – это вещественный фрагмент, наглядный, зримый, размещающийся «в руке», тогда как Текст – сфера методологических операций, он размещается «в языке»;
- произведение – это собственно и есть Текст, осознанный и принятый, со всей своей символической природой;
- Тексту свойственна множественность, нет простого со-существования смыслов – Текст проходит сквозь них;
- автор считается родителем и хозяином своего произведения, а в Тексте только мелькает «призрак автора», которому при этом отводится лишь роль гостя;
- произведение – объект потребления, а Текст очищает произведение от потребительства, воссоединяя чтение и письмо в целостной знаковой деятельности;
- невозможно пропустить и подход к Тексту через удовольствие, поскольку Текст безусловно связан с наслаждением, без ощущения отторгнутости, в отличие от произведения.

Составители антологии Джулия Ривкин и Майкл Райан отмечают, роль Жака Дерриды, чьи произведения повлияли на смену акцента со структуры литературных текстов к их семантике, но семантике, которая выходит за пределы стандартного понимания смысла произведения. Это открыло дорогу последующим ученым, дало возможность для разных возможных интерпретаций, самых разных слоев и уровней смысла. Сложная простота – это положение концепции «текста» Жака Дерриды в литературной теории в конце 1960-х и начале 1970-х годов, оказала наибольшее влияние на Роллана Барта.

Вопросы:

1. Почему Р. Барт считает, что необходимо в филологическом анализе работать на стыке дисциплин?
2. Какие науки важны в приложении к анализу текста наряду с литературоведением?
3. Как Р. Барт трактует понятие «текст»?
4. Какие отличия есть, согласно Р. Барту, между произведением и текстом?
5. Как Барт интерпретирует интертекстуальность?
6. Кем является Автор по отношению к произведению и к тексту, согласно точке зрения Р. Барта?
7. В каких взаимоотношениях находятся читатель и текст, согласно Р. Барту?

Литература:

1. Барт Р. Избранные произведения: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С.413-423.
2. Эстетика и теория искусства XX века [Хрестоматия]. М., Прогресс-Традиция, 2008.
3. Ильин И.П. Постмодернизм: от истоков до конца столетия. М.: Интрада, 1998.
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.